

синем море, За кормою волны колыхать? Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты. Ах, зачем, зачем мое веселье В
ковылях навек развеял ты?»

На заре в Путивле причитая, Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая, На стене рыдая городской:

«Днепр мой славный! Каменные горы В землях половецких ты
пробил, Святослава в дальние просторы До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине, Сохрани на дальней стороне, Чтоб забыла
слезы я отныне, Чтобы жив вернулся он ко мне!»

Далеко в Путивле, на забрале, Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали, Как кукушка, кличет на юру:

«Солнце трижды светлое! С тобою Каждому приветно и тепло. Что
ж ты войско князя удалое Жаркими лучами обожгло? Н зачем в пустыне
ты безводной Под ударом грозных половчан Жаждою стянуло лук
походный, Горем переполнило колчан?»

И взыграло море. Сквозь туман Вихрь промчался к северу родному
Сам Господь из половецких стран Князю путь указывает к дому. Уж
погасли зори. Игорь спит. Дремлет Игорь, но не засыпает. Игорь к Дону
мыслями летит, До Донца дорогу измеряет. Вот уж полночь. Конь давно
готов. Кто свистит в тумане за рекою? То Овлур⁷⁴. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою: «Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула

сывается из одного географического пункта в другой. Мир
развертывается в «Слове» и вширь, и ввысь. Небо и землю соединяет
«мысленное древо», вокруг которого соловьем летает мысль Бояна, внука
самого языческого бога Белеса.

Автор создает образ необъятного пространства, которое предстоит